

*Е.П. Тарнаруцкая**

**ГРАНИЦА КАК РАЗЛИЧИЕ ИЛИ ОДНО ИЗ РЕШЕНИЙ
ПРОБЛЕМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ БИНАРНЫХ ОППОЗИЦИЙ
В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ РОМАНЕ**

В аллегорическом романе-фантазмагории Джона Барта «Козлик Джайлс или Пересмотренная Новая программа курса», трактующем мир как Университет, разделенный на два враждебных кампуса, герой находится в поиске способа решения проблемы различия противоположных моральных категорий. Однако основной текст романа и виртуозные обрамления заставляют усомниться в различных вариантах этих решений, что позволяет предполагать предвосхищение философских концепций различия, выдвинутых впоследствии Ж. Деррида и Ж. Делезом.

Проблема различия как никогда остро встает перед современной гуманитарной мыслью. Еще М. Хайдеггер в работе «Тождество и различие» приходит к выводу: «то, что именуют слова, происходит, уже будучи различенным, из различия». У границы как способа дифференциации нет онтического статуса. Исток «различия как такового» недоступен мышлению, ограниченному кругозором метафизики [1. С.57-60].

В книге со знаковым названием «Различие и повторение» Делез назвал искусство современного романа в ряду нескольких проявлений присутствующего в воздухе нашего времени сюжета различия — «не только в наиболее отвлеченных размышлениях, но и в результативных техниках» [2. С.9]. Неважно, читал ли Делез роман Джона Барта «Козлик Джайлс или Пересмотренная Новая программа курса» [3], напечатанный в 1966 г. за два года до выхода книги Делеза, или все же имел в виду только французский «новый роман» 50–60-х годов, но данное произведение одного из основоположников американского постмодернизма, несомненно, является подтверждением слов философа.

Жанр произведения определяли как сатиру («*черный юмор*»), современный миф, фэнтези, *антиутопию и роман абсурда* [4. С.18,25]. Роман «Козлик Джайлс» написан в период тотальных различий холодной войны, определивший бурный рост разрабатывавших новейшие

* © Тарнаруцкая Е.П., 2008

Тарнаруцкая Елена Петровна — кафедра иностранных языков гуманитарных факультетов Самарского государственного университета

технологии американских университетов (в одном из которых преподавал автор романа). Перед читателем предстает полная иронии аллегорическая картина University — Университета, за которым прозрачно угадывается Universe — вселенная. Хейде Зиглер замечает, что в университете факты действительности переводятся в язык. При этом жизнь отождествляется с историей, а реальный мир превращается в аллерию [5. С. 40-41].

Герой романа козлик Джордж Джайлс, с одной стороны, воплощенное различие. У него «трехмиренная» родословная: от человеческого, компьютерного и животного мира. Но вскормленный козами и воспринявший правила их жизни, он вместе с тем является результатом компьютерного эксперимента с биологическим материалом лучших образцов человеческого рода, то есть это как бы общий ребенок, отождествленный со всем человечеством. Фабула книги очерчивается во вступлении как приключения молодого человека, зачатого гигантским компьютером и «выросшего на экспериментальной козьей ферме всеобщего университета (universal university), разделенного по идеологическим соображениям на Восточный и Западный кампусы. Выполняя серию сложных заданий с целью зачисления на курс (matriculation), он должен примирить разные стороны своего естества — козью и человеческую (не говоря уже о компьютерной) и в самом средоточии (bowels) университета преодолеть не только категории Востока и Запада, но и все остальные; преодолеть сам язык — а затем вернуться в кампус, изгнать Тьютора-самозванца, в котором он видит часть себя самого, и сделать все, что в его силах, чтобы объяснить необъяснимое» [3. С.viii].

Ритуальный характер приключений Джорджа с их явной первоначальной заданностью² подсказывает интертекстуальные связи с языческими мифами и библейским эпосом. Исследователи называют героя романа «помесью Фавна с Христом» [5. С. 40-41], а в частной беседе сам Дж Барт назвал книгу комическим Новым Заветом в современном убыстренном варианте [6. С. 46].

В эволюции козлика Джайлса прослеживаются три стадии: первоначальное единство животного стада — асоциальное «детство» героя, взрослый этап различения и стадия окончательного преодоления различий в ихприятии. Действительно, в детстве будущий Великий Наставник имел козье имя Billy и был счастлив, не зная человеческих различий и противоречий (этап тождества). За этим следует неизбежное прозрение — инициация героя. Осознав демаркационную линию между идиллическим животным и проблемным людским миром,

² Известно, что одним из побудительных мотивов написания романа было чтение Бартом монографий по сравнительной мифологии, в частности, книги Джозефа Кемпбелла «Герой с тысячей лиц». Морелл приводит листок из черновика писателя со схемой жизни Джорджа как странствующего мифологического героя [6. С. 66].

Джордж пересекает ее: вначале в виде бурной реки в Расщелине Джорджа (George's gorge), а затем преодолев два непреодолимых рубежа — Turnstile и Scrapegoat Grate.

Пройдя нелегкую инициацию, герой получает от компьютера Assignment задание, где написано вкруговую: «pass all fail all» (сдать все завалить все). Далее значит, что «сразу, одновременно» (to be done at once., in no time) Джордж должен: установить часы (Fix the clock), положить конец пограничному спору (End the Boundary Dispute), преодолеть свою немощь (Overcome your Infirmary), объять взором свою прекрасную даму (See through your ladyship), переместить свитки Основателя (Re-place the Founder's Scroll)», сдать выпускные экзамены (Pass the Finals) и предъявить туда, куда следует, заверенное удостоверение личности (Present Your ID-Card, Appropriately signed, to the Proper authority) [3. С. 383].

По мере развития действия мир-Университет все ярче осознается героем как пространство различий. Прибыв «наивным наблюдателем» в столицу Западного колледжа, герой проникается своей мессианской ролью Grand Tutor и идеей непреодолимого водораздела между добром и злом (представленных в задании в виде университетских понятий: «pass» и «fail») и видит свою миссию в проповеди этого различия. Учение Великого Наставника тут же принимается буквально: границу между Западным и Восточным колледжами расширяют — и вот мир-университет на грани военной катастрофы. За это он чуть было не подвергается линчеванию, от которого его спасает только заключение в тюрьму.

Тогда он решает, что задание надо читать наоборот, таким образом: «Pass all = fail all». Нет никакого различия между «pass» и «fail», добро неотлично от зла. Но повторяется та же история, проповедь отсутствия различий ведет к тому же результату, что и проповедь абсолютной разницы спасения и греха: почти война, почти казнь и разочарование протагониста.

И только в третий раз герою удастся понять, что оказывается, «pass all fail all» читаемо в любом направлении. Он, наконец, осознает, что pass и fail не только различаются, но и взаимодополняют друг без друга, не существуя в отдельности. Озарение достигается в момент слияния с Анастейжей в чреве «отца» Джорджа — компьютера WESCAC и сопровождается коротким замыканием могущественного компьютера. Ч. Харрис считает это единственным моментом, когда в творчестве Барта стало возможным достижение синтеза [7. С. 87], а Дж. Тарп даже утверждает, что роман заканчивается гегелевским тождеством [8. С. 54-55].

Однако это только на первый взгляд вполне гегелевское решение проблемы различий. До сих пор рассматривался только основной текст романа «Козлик Джайлс или Пересмотренная Новая программа курса». Но повествование от имени Великого Наставника Джорджа Джайлса

обернуто несколькими слоями плотно пригнанных обрамлений, каждое из которых проблематизирует, пересматривает друг друга (вспомним подзаголовки).

Вслед за ним в оглавлении впервые проигрываются универсальные для мифа числа два и три, которые, как мы видели, повторяются в романе как бинарные различия *pass – fail* и повторяющиеся троекратные испытания героя. Роман разделен на два тома, а каждый том на три пленки (*reels*). Но названия ключевых глав кричаще не соответствуют своему наполнению. К примеру, эти названия в одной из «пленок» второго тома повторяют пункты задания, полученного Джорджем от компьютера, хотя на самом деле он справляется с ними только в следующей части книги.

Сомнение в том, что будет далее прочитано, нагромождается в игровых вступлениях, которые Барт называл «странным поджанром литературы» [6. С. 66]. Здесь аутентичность повествования разрушается одновременно с традиционными способами ее утверждения в завязке романа, например, путем предъявления «чужой» рукописи. Посмотрим, как это происходит. Следующая рамка так и называется – «Отказ» («*Disclaimer*») издателя книги с отчетом четырех редакторов, которые каждый по-своему комментируют странное, раздражающее произведение и отказываются от ответственности за публикацию. Издатель также описывает *отказы* от авторских прав: J. В. (Джона Барта?) – в пользу сына Джорджа, который в свою очередь приписывает «Новый курс» авторству всемогущего компьютера WESCAC, управляющего жизнью Западного кампуса. Но в память компьютера когда-то записал свои приключения легендарный отец Стокера, основатель новой «программы курса» Джордж Джайлс.

После издателя и редакторов слово берет «якобы автор» – писатель и профессор J. В. В «Сопроводительном письме» он детально описывает, как в момент творческого кризиса к нему пришел странный молодой человек и принес рукопись «Пересмотренной Новой программы курса»; передает рассказ юноши о своем отце – будущем герое романа – «наставнике непонятно какого предмета и факультета, который готовил студентов к финальным экзаменам, но лишился должности за радикальные взгляды и аморальное поведение, нашел себе кучку сторонников, после чего исчез из кампуса согласно собственному предсказанию» [3. С. xxviii]. Перед нами вольное юмористическое толкование событий будущего романа с чужих слов: фикциональный автор передает сказанное сыном главного героя. Неожиданно, прочитав принесенную рукопись, «автор» J. В. вдруг волшебным образом уверовал в ее правоту, бросил профессорство и решил стать проповедником нового учения – *the Revized New Syllabus*.

После этого пересматривается даже заголовок романа: следует вторая его обложка с измененным названием и авторством. Теперь вме-

сто Джона Барта авторами значатся трое: Grand Tutor Джордж Джайлс; его сын Стокер Джайлс и компьютер Западного кампуса WESCAC³.

Каждый «пишущий» перечисленные вступления указывает, что дальнейшая рукопись переделывалась, редактировалась. Сначала компьютер переделал учение Великого Наставника Джайлса, начитанное им на магнитофонные пленки, в повествование от первого лица, затем сын Козлика Джайлса Стокер оформил звукозапись в письменной форме, сделав ее доступнее для масс почитателей, а J.V отредактировал врученную ему рукопись. Наконец, то же сделал непосредственно перед «публикацией» издатель книги. Причем всякий раз «редакторы» клянутся, что ввели лишь незначительные улучшения, не касающиеся сути самой «Пересмотренной Новой программы курса».

Таким образом, основному повествованию в книге предшествуют как минимум семь его сюжетных версий и четырехкратное редактирование. Во вступительных рамках прием найденной рукописи, традиционно работающий на утверждение правдоподобия, усложняется ее обсуждением и многократной модификацией, что, напротив, ставит под вопрос подлинность самой рукописи.

Финальным аккордом романа являются два «послесловия»: сначала Posttape (последняя пленка) от имени умудренного опытом печали Джорджа с предсказанием грядущей гибели. В горестной риторике последнего разочарования Джорджа в своем наставничестве становится ясно, что тождество-абсолют не имеет языкового выражения, следовательно, непознаваемо. Кампус не принимает Великого наставника, а кучка сторонников видит в нем только идола. Рамка подсказывает судьбу духовного наследия героя, типичную для полюсного, двухполярного мира: неизбежные героизацию, упрощение, превращение в миф и лживую догму. За последней пленкой следует и последний «пересмотр» — отказ от нее: Postscript to the Posttape, отрицающий ее авторство по причине стилистического несоответствия пророческому статусу Grand Tutor...

Итак, и сюжетным развертыванием основного текста, и своими виртуозными обрамлениями роман Дж. Барта — в поисках своих истоков в мифологических/ритуальных практиках — вопрошает, спо-

³ «R.N.S.: The Revised New Syllabus of George, Giles, Our Grand Tutor; Being the Autobiographical and Horatory Tapes Read Out at New Tammany College to His Son Giles(,) Stoker by the West Campus Automatic Computer, And by Him Prepared for the Furtherment of the Gilesian Curriculum.» («П Н П: или Пересмотренная Новая Программа курса Великого наставника Джорджа Джайлса, представляющая собой вдохновенные автобиографические звукозаписи, воспроизведенные в колледже Нью Таммани автоматическим компьютером Западного кампуса для его сына Джайлса Стокера (Стокеру Джайлса?), предполагающего дальнейшую их разработку в виде Общеуниверситетской Джайлс-ианской программы») [3. С. 1]

собны ли простые бинарные оппозиции мифа, эпоса и метафизики: истина — ложь, праведность — грех, pass — fail и, наконец, *различие* — *тождество* служить, как прежде, универсальными средствами познания мира.

Возможно, именно роман как единственный не готовый, становящийся жанр способен уловить появление нового направления мысли прежде профессиональных исследований. Пройдет несколько лет после опубликования романа «Козлик Джайлс», и Ж. Деррида выдвинет неографизм различия «*differánce*», означающий игру, промежуток, который старше самого бытия. *Differánce*, как и различающее Хайдеггера, находится вне онтологии, но только благодаря *differánce* возможны означивание, индивидуализация, понятийный процесс, смыслообразование [9. С. 401].

Еще более радикальный подход можно проследить в концепции упомянутой книги Ж. Делеза: всеобъемлющее различие есть «необходимая глубинная часть поверхностного повторения» [2. С. 344], поэтому в современном мире господствуют симулякры — копии никогда не существовавших оригиналов — система, где «различное соотносится с различием посредством самого различия» [2. С.344]. Отбрасывание этих иллюзий помогает обнаружить новый смысл действительности: Хаосмос — внутреннее тождество хаоса и космоса, мир элементов, наделенных специфическим модусом проблематичности, который можно определить опять-таки только отрицательно через «не».

Может быть, роман Джона Барта предвосхищает то повторение, являющееся одновременно и различием, о котором писал Ж. Делез? Во всяком случае, можно сказать, что один из первых постмодернистских романов о Вселенной как Университете в игровой аллегорической форме одновременно и утверждает, и ставит под вопрос связь архетипов мифа с историей Вселенной — обучением (но развитием ли?) всего человечества вне зависимости от границ, полюсов и идеологических рамок.

Библиографический список

1. Хайдеггер, М. Тождество и различие / М. Хайдеггер; пер. с нем. — А. Денежкин; ред. О. Никифоров. — М.: Гнозис; Логос, 1997.
2. Делез, Ж. Различие и повторение / Ж. Делез. — СПб., Петрополис, 1998.
3. Barth, J. Giles Goat—boy or, the Revized New Syllabus / J. Barth. — New York, London: Anchor Books, 1987. 711 p.
4. Schulz, M. F. Black Humor Fiction of the Sixties / M. F. Schulz. — Columbus: Ohio University Press, 1973.
5. Ziegler, H. John Barth / H. Ziegler. — London and New York: Methuen, 1987.
6. Morrel, D. John Barth. An Introduction / D. Morrel. — University Park and London: The Pennsylvania State University Press, 1972.
7. Harris, Ch. Passionate Virtuosity. The Fiction of J. Barth / Ch. Harris. — Urbana, Chicago: University of Illinois Press, 1988.

8. Tharpe, J. John Barth: The Cosmic Sublimity of Paradox / J. Tharpe. — Southern Illinois: Carbondale, 1974.
9. Деррида, Ж. Письмо и различие. Различание / Ж. Деррида. — СПб., 2000.

E.P. Tarnarutskaya

**THE BORDERLINE OF DIFFERENCE: A POSTMODERN NOVEL
TRYING TO SOLVE THE BINARY OPPOSITIONS' PROBLEM**

In the allegoric novel «Giles Goat-boy or the Revised New Syllabus» by John Barth a native Grand Tutor in the University (divided into opposite Western and Eastern Campuses) is in quest of the way to solve difference/similarity problem, while the novel employs both its narrative layer and various ingenious frames to make him and the reader doubt his solutions. The paper expresses the opinion that this novel was one of the first manifestations of later Derrida's and Deleuze's concepts.

Статья принята в печать в окончательном варианте 14.01.08 г.